

Примечания

¹ Впервые опубликовано в альманахе «Подарок бедным» (Одесса, 1834, с. 120-151). Цит. по: Киреевский И.В. Критика и эстетика. – М.: Искусство, 1979, с. 124, 126.

² Фет А. Ранние годы моей жизни. – М., 1893, с. 354. (А. Фет указывает город, где проводились «семейные вечера» у Марченко перед отъездом в Одессу, – это Елисаветград.)

³ Скальковский К. Воспоминания молодости (по морю житейскому). 1843-1869. – СПб., 1906, с. 14.

⁴ В автобиографической повести «Разлучники», написанной много лет спустя, Анастасия Марченко напишет о своей героине: «Трудиться, заменить отца – была единственная мечта Нади; но как трудиться, на каком поприще и чем? Ответ нашелся. Надежда Ивановна имела творческий талант, – молодой талант, скрытый и неосознанный; тогда же была мода на женщин-писательниц: семейные нужды толкнули Надежду Ивановну на дорогу литературной жизни, и диво: талант ее был сразу оценен». – Цит. по: Разлучники. Роман А. Темризова. – СПб., 1869, с. 21.

⁵ Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. – М., 1956. Т. 10, с. 351.

⁶ «Литературные заметки». Сочинение Т. Ч. Выпуск второй. (Одесса, 1849) // Библиотека для чтения. – 1849. Т. 97, ч. 1, отд. 6, с. 2 (Литературная летопись).

⁷ См. подробную биографию А.Я. Марченко: Некрасова Е. Анастасия Яковлевна Марченко (Т. Ч. или А. Темризов). 1830-1880 // Киевская старина. – 1889, № 11, с. 392-422.

⁸ Е.П. Ростопчина писала А.П. Дружинину 28 октября 1854 г.: «А «Умную женщину» M-lle Martschenko (Т. Ч.), бесспорно лучшую повесть прошлого года, почти не заметили, и о ней не говорят, потому что автор не из своего прихода... Где же справедливость?» – Цит. по: Сварчевская Т.В. Проблема женской писательской идентификации в творчестве А.Я. Марченко // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2009. В. 34, № 27, с. 137.

Т. Ч. [А.Я. Марченко]

Умная женщина

Отрывки из повести

«...Я ужасно люблю ходить по одесским улицам, по одесскому бульвару и смотреть вперед, смотреть по сторонам. Я это делаю не для наблюдения: выхожу я из дому без цели или, лучше сказать, с единственной целью ходить и смотреть, – из чего вовсе не следует, что я иду для того, чтобы видеть, увидеть и подсмотреть.

Кажется, надо это выразить словом *фланировать*. ...Оставляешь дом, потихоньку выходишь из ворот и думаешь: куда пойти, направо или налево?

Налево лучше, прямо по Дерibasовской улице. Вы идете; справа глядят на вас все порядочные дома, слева дом, потом решетка казенного сада; потом начинают на вас глядеть и слева тоже красивые дома. Несколько деревьев возле тротуара, деревья, которые еще, к счастью жителей, не уничтожились; далее – одна сторона здания Ришельевского лицея, и еще дальше – по обеим сторонам – магазины. Впрочем, во всю длину улицы нижний этаж домов направо занят, на парижский лад, магазинами; то же самое продолжается и вдоль по Ришельевской, с обеих ее сторон. Вы по Дерibasовской дошли до самой чувствительной ее покатости к морю, вот и довольно: ступайте направо по Ришельевской, или налево к Театральной площади.

С Театральной площади видно море и на нем множество судов; мачты сдвинулись и раскланиваются, разноцветные флаги пестреют; над ними очень хорошо голубое небо, под ними очень хорошо сизое море!.. На одной из колонн театра наклеена афиша, вы прочли мимоходом – «Лючия» или «Эрнани», «Макбет» или «Моснадиери» – вы остановились, жарко! Вас удивляет, что пыли нет; день, видно, особенный, видно, ночью дождь шел. Не пойти ли на бульвар? Или на Ришельевскую?.. Лучше теперь на бульвар, а потом на Ришельевскую. Но хотя уже решимость принята, вы не идете, стоите и смотрите, и взгляд ваш падает почти по прямой линии от театра на здание английского клуба, с клуба падает на биржу, с биржи на мачты судов... И снова на море, снова глядите вы на самую отдаленную его линию, которая сливается с небом. Вы немедленно идете мимо клуба и говорите себе: надо будет пойти сегодня в оперу. Отчего надо? Вы сами не знаете, как не знаете, зачем вы идете теперь на бульвар.

На бульваре три аллеи, одна подле другой. Эти аллеи не ведут к морю и протянуты прямо вдоль улицы над морем; они не платановые, не липовые, не тополевые, а просто идут под скромной тенью сирени и других кустарниковых растений; впрочем, между ними есть несколько молодых акаций. Средняя линия широка, две боковые поуже: гуляют по широкой, боковые предоставляются

Приморский бульвар в Одессе. Первая половина XIX века. Литография

проходящим. Вы прошли раз по средней аллее – никого; вы подходите к лестнице и смотрите на нее в двухсотый раз: она очень длинна, ведет к морю, ступени ее широки; но вы никогда не дали себе труда сосчитать их и можете уехать из Одессы с очень темными понятиями о бульварной лестнице, хотя она достойна особого внимания. Вы смотрите на нее, потом смотрите на купальни и оборачиваетесь: вот прошли две дамы, вот господин, у которого трость торчит из кармана, а руки спрятаны в карманы оливкового пальто; вот дама с собачкой на шелковом снурочке, господин с сигарой, еще сигара; несколько стеклышек, несколько бород, очки, девица с гувернанткой, две девицы под руку, – вы отходите от лестницы и садитесь на скамью. Вы продолжаете смотреть, и глаза ваши глядят совершенно одинаково на Петербургскую и Лондонскую гостиницы, на экипажи, разъезжающие вдоль бульвара, на статую герцога Ришелье, на сиреневые кусты и на гуляющих, переходя с одного лица на другое, от одной походки к другой, от черных усов к голубой шляпке и от белокурой бороды к щегольскому бурнусу. И между тем вы приносите домой впечатления всего виденного, всего встреченного вами. И вот вы заметили, что одни гуляют только поутру, другие после обеда; одни гуляют *только* в хорошую погоду, другие во всякую,

третьи – по оригинальности – выходят *только* в дурную; иные вовсе не гуляют с тех пор, как солнце стало ярче. Вы заметили, что блондин вышел погулять оттого, что погода ему показалась хорошей, яркий день выманил его из комнаты; что чернородый итальянец пришел выкурить сигару на открытом воздухе; что господину в синем пальто непременно хочется кого-то встретить; молоденькому сыну богатого банкира хочется показать свой кабриолет и новую лошадку; господину с тросточкой, которая выглядывает из кармана, – выказать перед публикой, что он недавно был в Париже. Вы видите дам, которые пришли сюда поговорить, как будто на воздухе говорится охотнее; одну даму, которая проходит, опустив воаль, с явным страхом, чтобы к ней не подошел кто из знакомых, не вздумал бы гулять и тем не подверг ее толкам; вы видите, что девица с гувернанткой подошла к перилам и смотрит на море, что две другие девицы прошли в четвертый раз по бульвару, тогда как имеют привычку проходить обыкновенно три раза – вы видите все это, медленно поднялись со скамейки и прошли на Ришельевскую. Но, дойдя до клуба, вы остановились – не пойти ли прямо по Итальянской?.. или снова подняться мимо клуба на Театральную площадь?.. После минуты раздумья вы выбираете Театральную площадь, и снова останавливаетесь – не пойти ли в Пале-Рояль?.. Пале-Рояль составляет квадрат; посреди несколько молодых деревьев и кустов, между ними прорезаны дорожки: одна сторона Пале-Рояля занята стеной театра, остальные три магазинами, – взору разгуляться негде, и потому вы не идете в Пале-Рояль, а вступаете в Ришельевскую улицу... По ней снуют часто прохожие, мчатся экипажи, и под ваш рассеянный взор попадают сами собой шляпки белые, темные, цветные, лица самодовольные и недовольные; вам кланяются, и вы кланяетесь, и видите много приветных улыбок. Вот темный рысак и зеленые бархатные дрожки – господин сидит гоголем; вот легкий фаэтон с парой серых лошадей – господин нырнул вглубь и протянул ноги; вот белая лошадь с золотой сбруей, вот вороная с серебряным набором, большая венская коляска, легкое купэ – везде головы, всюду фигуры, и фигуры знакомые... Вы с ними ознакомились, гуляя, фланируя; вы их видели и вчера, и сегодня, увидите их завтра. Удовлетворенные вполне тем,

что видели их снова, вы опять поворачиваете на Дерибасовскую и идете обратно, хотя вы вовсе не убеждены еще, что идете домой.

Перед вами идет женщина лет, лет тридцати двух, даже, быть может, и всех тридцати пяти, прекрасно одетая, то есть одетая с прекрасной простотой. Маленькая нога тщательно и мило обута, на руке прекрасная, орехового цвета перчатка крепко застегнута; платье из легкой шелковой в мелкую клетку материи, серый бурнус и белая шляпка, подколота небольшим букетом *à la jardinière*, составляют ее незатейливый наряд.

Это моя героиня».

* * *

«...Вот неделя, как акация распустилась. На Херсонской улице воздух душист, от крепкого запаха голова кружится, белые цветы висят полными кистями, погода с полнолуния стоит прекрасная, тихая и приветная. Я гуляю всякий день по Херсонской. Напрасно по бульвару ходит целая толпа, напрасно по Ришельевской снуют из одного конца в другой экипажи и белая лошадь с золотой сбруей, и зеленым бархатом выбитые дрожки с темным рысаком, и фэзтон с серыми лошадьми.

На Херсонской растет несколько деревьев белой акации, она цветет, и воздух душист, грудь сжата сладостной грустью, голова как будто кружится, и странная приятная усталость овладевает вами. Акация цветет, май на дворе, последние дни весны встречаются с первыми днями лета.

...Я выхожу из дому и иду на Херсонскую; на меня нашло непреодолимое желание фланировать, бродить без цели. Мне весело, потому что по правому тротуару Херсонской улицы всегда гуляет старый холостяк и умная женщина...

Рассказали ль они друг другу свою повесть – это остается для нас с вами не решенным; но я знаю историю умной женщины, знаю историю старого холостяка – и расскажу вам их».

Гл. «Прогулка»

Умная женщина. Повесть Т. Ч. // Библиотека для чтения. – СПб., 1853. Т. 121, ч. 1, отд. 1, с. 71-75, 90.

* * *

«...Акация на Херсонской улице перестала цвести, дожди почти нейдут, жарко, пыль стеной стоит посреди улицы – все проходят через эту стену, для каждого она раздвигается настолько, чтобы пропустить его, и снова сдвинется и стоит перед глазами следующего за вами путника.

– Не мешало бы поливать улицы! И море тут же... – говорит и пешеход, и проезжающий на дрожках или в фаэтоне какой-нибудь господин в фуляровом бурнусе или в сером легком пальто. Из кареты выглянет прехорошенькая ручка, чтобы торопливо поднять стекла, и у всех непременно одна и та же мысль, что – *и море тут же*; если эта мысль не произнесется вслух, то непременно выразится в нетерпеливом движении, с которым всякий подносит платок к глазам, а хотя ничем не выразится, то непременно навернется на ум. Но пыльная стена – воображаемая опасность; вы прошли через нее раза два, – в третий раз она вас не пугает, в четвертый вы только по привычке достаете платок из кармана, ходите всюду беспрепятственно по всем улицам, иногда даже улыбаются, взглянув на бледно-серую прозрачную стену, и машинально проговорите: «Этакая пыль!..».

Есть люди от природы застенчивые, для таких людей наша пыль – просто клад; приехав с визитом, они вынуждены остановиться в передней, пообчиститься, вытереть лицо, – таким образом, внимание их отвлекается от мысли – как взойдут они и что скажут хозяйке для приступа речи?..

Известно, что люди становятся застенчивы, когда мысль их, не занятая ничем, всей тяжестью своей падает на их личность. Надо отвлечь эту мысль или хотя бы разбить ее на подробности предмета; пыль значительно в таких случаях помогает, она дает посетителю время оправиться – и случалось, что самые застенчивые люди входили в гостиную с некоторым видом самоуверенности, который чрезвычайно шел к ним.

Но мы разговорились о пыли, и это вот отчего: вы сегодня по привычке прошли через Дерibasовскую на Ришельевскую, взглянули на бульвар и пошли обратно; на бульваре только не было пыли, а по всем улицам стояла пыль, и вы, от нечего делать, обратили на нее ваше исключительное внимание. Кстати, вы заме-

тили, что акация отцвела и листья покрыты тонким серым слоем: начинается пора морских ванн... И вот всякий день, утром и вечером, от шести часов до девяти летят экипажи под Сабанеев мост и подле, с крутого спуска; между ними появляются старомодные кочи, длинные бичи хлопают, морской ветер вертит во все стороны тринадцать воротничков на кучерской шинели, и так называемая краковская упряжь с медными бляхами и с пестрым, белым и красным шарфом, развевающимся на шее у лошадей, ярко бросается в глаза.

Больше лиц в клубе, новые лица в театре, по магазинам ходит без усталости пестрая толпа. Предварительно, по улицам тянутся обозы с пшеницей; волы, чумаки и мешки попадают беспрепятственно на глаза, жиды бегают суетливо с пробами пшеницы, маклера пишут больше, чем во все остальное время года, вот что бывает предварительно, вот что бывает даже в то время, когда уже и клуб полнее, и краковская упряжь показывается, и общество в театре изменяется. По улицам иногда тянется даже рыдван, запряженный тощю четверкой с фореитором; но этот экипаж показывается боязливо и ползет ленивее – издали приехала *на своих помещица!*

По бульварной просторной лестнице всходят и сходят к морю купальщики и купальщицы; тут также бесконечное движение; на каждом лице выражение положительной мысли: есть определенная цель – броситься на несколько минут в соленые волны, и эта видимая цель оживляет всякого, дает отчетливость движениям, бодрость походке, – фланеры исчезают, место их заступают купальщики. На бульваре можно встретить под вечер несколько господ с мокрыми волосами – это особенные любители, они купаются по несколько раз сряду».

* * *

«...Одесса хороша. Дожди идут часто, деревья разрослись, их зелень свежа и не покрыта пылью. На Херсонской улице прекрасные акации, а на Дерibasовской откуда взялись эти деревья? Прежде где-нигде виднелись они, а теперь, если взглянуть от Соборной ограды, вдоль до моря, глазам представится широкая

аллея, и в конце ее виден конец движущегося сизого покрывала – это море. Даже вечно юные деревья городского сада напоминают о себе прохожим, смело глядя через решетку, и бульвар кипит народом, в лунную ночь по всем уступам длинной широкой лестницы сидят группы, тихо говорящие или совершенно безмолвствующие. Плавно идет к гавани белый парус, вдали там и там разбросаны суда, и их паруса в отдаленьи похожи на лебяжьи перья растерянной раненной птицы в бегстве своем.

Я вижу щеголевато одетую женщину; она сидит одна на зеленой скамейке и смотрит на лестницу, смотрит на море: лицо ее, облитое бледными лучами луны, бледно и спокойно. Она слушает военную музыку, музыка играет последнее трио из «Эрнани»; вокруг музыки останавливаются прохожие, все больше и больше становится круг. ...Против хора музыкантов стоят два ряда, неподвижные и густые, и между ними проходит пестрая толпа, – волна, бегущая вперед и уходящая обратно.

Рассеянно глядели из-под соломенной шляпки большие глаза задумчивой женщины на лица, мелькавшие перед нею...»

Гл. «Поздняя любовь».

Умная женщина. Повесть Т. Ч. Часть вторая // Библиотека для чтения. – СПб., 1853. Т. 122, отд. 1, с. 52-54, 91

